АЗИЯ 23.12.2022 | Темур Умаров

Как война сказалась на влиянии России в Центральной Азии

Вместе с украинскими городами Кремль уничтожает влияние России по всему миру. Особенно на постсоветском пространстве.

Всего год назад позиции России в Центральной Азии были настолько прочными, что им не угрожало даже растущее присутствие Китая. Но все изменилось с началом российского вторжения в Украину — вместе с украинскими городами Кремль уничтожает влияние России по всему миру, особенно на постсоветском пространстве.

Теперь любое заявление или жест, отклоняющиеся от линии Москвы, выглядят как попытка стран Центральной Азии разорвать связи с Россией и провоцируют дискуссии о скором конце ее влияния в регионе. Хотя многие формальные показатели, напротив, рисуют картину бурного сотрудничества: товарооборот России с регионом быстро растет, в обе стороны движутся огромные миграционные потоки, а количество встреч на высшем уровне бьет рекорды.

Так что в итоге происходит: Центральная Азия отдаляется от России или, наоборот, сближается с ней?

Мы не с ними

Разговоры о слабеющем влиянии России ведутся не просто так. За последние десять месяцев в Центральной Азии было сказано и сделано немало того, что российская пропаганда назвала бы «не соответствующим союзническому духу отношений».

Прежде всего, все страны региона не только не поддержали российское вторжение в Украину, но и соблюдают антироссийские санкции, о чем заявляли публично. Например, центральноазиатские банки не принимают карты «МИР» — лишь Казахстан разрешил

физлицам ими пользоваться, но только после того, как получил на это одобрение американского Управления по контролю за иностранными активами (OFAC).

Ни одна страна не признала ДНР, ЛНР и другие украинские территории частью России, о чем тоже заявляется публично и без оглядки на российские предпочтения в терминологии. Если после 2014 года центральноазиатские лидеры избегали называть события в Крыму аннексией, то сейчас они открыто говорят, что в Украине идет война.

Также Центральная Азия активно укрепляет связи со странами, которые Россия считает «враждебными». Центральноазиатские лидеры один за другимездят на Запад, консультируются с США по вопросам соблюдения санкций, прорабатывают логистические маршруты в обход России.

Одновременно регион отдаляется от российских интеграционных проектов: в октябре Кыргызстан отменил военные учения ОДКБ на своей территории, а в декабре президент Узбекистана Шавкат Мирзиеев отложил визит в Бишкек, чтобы избежать встречи с Путиным на саммите ЕАЭС. Все больше внимания уделяется нероссийским проектам вроде Организации тюркских государств.

В такой атмосфере кажется, что любая мелочь подтверждает отдаление Центральной Азии от России. Вот Путина недостаточно празднично встречают в аэропорту, вот опаздывают на встречи с ним, не приезжают на его день рождения, отсаживаются от него подальше и даже публично критикуют политику России в регионе. Однако многие другие факты и данные говорят об обратном — об укреплении сотрудничества.

Прагматичная солидарность

В нынешнем поведении Центральной Азии куда меньше нового, чем может показаться. Эти страны и раньше не поддерживали Россию в ее военных авантюрах. Еще в 2008 году на саммите ШОС в Душанбе Дмитрий Медведев пытался, но не добился от них поддержки российских действий в Грузии. Не признали они и аннексию Крыма в 2014 году.

Просто в 2014 году санкции против российской экономики были менее масштабными и не требовали от стран Центральной Азии настолько четко определяться. Сейчас же соблюдение санкций для них — это не поддержка Запада или игра против России, а попытка

спасти свои экономики от коллапса и изоляции.

Для Центральной Азии многовекторность во внешней политике — обязательное условие минимального экономического благополучия. Тем более что Россия не демонстрирует готовности компенсировать региону потери от разрыва связей с Западом.

Во многом поэтому и сам Кремль не требует от центральноазиатских лидеров показной солидарности. На все призывы поступать иначе пресс-секретарь президента Дмитрий Песков отвечает, что все и так хорошо.

Время от времени Москва напоминает Центральной Азии об ее зависимости от России — например, приостановкой работы проходящего по российской территории Каспийского магистрального нефтепровода, по которому Казахстан экспортирует 80% своей нефти. Но речь не идет о требовании абсолютной поддержки, иначе масштабы давления были бы совсем другими.

Да и самой Москве ни к чему сейчас отталкивать последних союзников. Скорее наоборот: война с Украиной и разрыв с Западом усилили интерес России к Центральной Азии.

Вспомнили про соседей

Многие годы внешнеполитические приоритеты Москвы были далеки от Центральной Азии — считалось, что регион настолько зависит от России, что все равно никуда не денется. Но война и сокращение возможностей для выбора внешних партнеров заставили Кремль выше ценить связи с центральноазиатскими странами.

В результате товарооборот со всеми государствами региона быстро растет: с Казахстаном — на 10% за десять месяцев 2022 года, с Узбекистаном — на 40% за девять месяцев, с Таджикистаном — на 22%, с Кыргызстаном — на 40% за полгода, с Туркменистаном — на 45% за первый квартал.

С апреля по июнь 2022-го на заработки в Россию приехало рекордное за последние шесть лет количество выходцев из Центральной Азии: 1,5 млн из Узбекистана, 952 тысячи из Таджикистана, 223 тысячи из Кыргызстана. Соответственно выросли и денежные переводы в эти страны из России.

Понятно, что этот рост во многом связан с перенаправлением

торговых потоков из-за санкций и с массовым отъездом россиян в Центральную Азию из-за войны. В то же время заметно, что Москва теперь уделяет гораздо больше внимания региону и не собирается позволять связям с ним развиваться только по инерции.

Взять хотя бы то, что в 2022 году Путин впервые за много лет посетил все пять стран Центральной Азии и стал намного чаще общаться со своими коллегами в регионе по телефону и видеосвязи. Общее число онлайн и личных встреч российского президента с центральноазиатскими лидерами перевалило в этом году за 50.

Помимо Путина, в регионе с началом войны успело побывать фактически все высшее руководство России от премьера Мишустина и секретаря Совбеза Патрушева до главы «Газпрома» Миллера и многих губернаторов. Такой интерес Москвы связан не только с желанием продемонстрировать, что попытки изолировать Россию провалились, но и с практическими вопросами. Центральной Азии есть что предложить Москве помимо периодической поддержки на голосованиях в ООН.

Например, Таджикистан, видимо, участвовал в поставках в Россию иранских дронов-камикадзе. Душанбе это отрицает, но именно там Иран открыл их первое зарубежное производство. Узбекская Promcomplektlogistic попала под американские санкции за сотрудничество с российским ВПК. Есть сообщения о том, что ЧВК «Вагнер» вербует на войну заключенных из тюрем Туркменистана. В семь раз выросли поставки телескопических прицелов из Кыргызстана в Россию, а рост импорта бытовой техники из Евросоюза в Казахстан связывают с тем, что чипы из нее используются в российской военной промышленности.

В ответ Россия сильнее втягивается в местную внутреннюю политику. Если раньше Москва считала достаточным поддерживать лишь пророссийскую ориентацию местных режимов, не вмешиваясь в междоусобные разборки, то теперь она начала помогать конкретным лидерам.

Например, Россия после нескольких лет просьб руководства Таджикистана признала террористической оппозиционную Партию исламского возрождения. Также по запросам Кыргызстана и Таджикистана в России стали активнее задерживать и депортировать активистов и бывших политиков — от высылки не спасает даже наличие российского гражданства.

Если раньше важным условием для получения от России

преференций было участие в ее интеграционных проектах, то теперь это необязательно. Москва идет на миграционные уступки Узбекистану, отменив лимит на численность работников, приглашенных по оргнабору, и открывает в Таджикистане миграционный центр, хотя обе страны не входят в ЕАЭС.

Российские авторитарные ноу-хау тоже все активнее экспортируются в Центральную Азию. В Кыргызстане власти предложили новый закон о СМИ, который на 95% идентичен российскому, а также перенимают российскую практику преследования неугодных журналистов. В Узбекистане предлагают криминализировать «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений», а в Казахстане — ввести наказание за «дискредитацию вооруженных сил в особый (кризисный) период».

Что дальше

Все это показывает, что российское влияние в Центральной Азии сохраняется в самых разных сферах, и в ближайшем будущем коллапс ему не грозит. Правда, про долгосрочную перспективу того же не скажешь.

России и раньше было непросто проталкивать в Центральной Азии свои интеграционные проекты, а война сделала их окончательно непривлекательными. Ожидать расширения ЕАЭС на Узбекистан не приходится, а Таджикистан если и удастся уговорить, то ценой очень больших уступок.

Репутация ОДКБ пострадала еще больше. Неудачи на украинском фронте разрушили миф о мощной российской армии, что заставило всерьез занервничать страны, зависящие от российского зонтика безопасности. Это не значит, что ОДКБ скоро распадется, но потенциал для его расширения нулевой.

Российская мягкая сила в Центральной Азии тает на глазах. По опросам, большинство жителей Центральной Азии (70% в Кыргызстане, 55% в Казахстане и 30% — в Узбекистане) объясняют нынешние экономические трудности российским вторжением в Украину. В Бишкеке и Алматы прошло несколько антивоенных протестов, развлекательные площадки отказывают российским звездам, русский язык теряет популярность, а местные провайдеры расширяют списки нероссийских телеканалов.

Центральноазиатские СМИ стараются освещать события в Украине объективно, за что в России их блокирует Роскомнадзор. В

общественном обсуждении снова всплывают темы деколонизации.

Главной опорой российского влияния в Центральной Азии остается доверие между политическими элитами. Во главе этих режимов стоят примерно одни и те же люди — пожилые мужчины, выросшие в советское время и общающиеся друг с другом на русском. Они знакомы не одно десятилетие, а новичков обязательно отправляют на смотрины в Москву.

Пока эти режимы не рискуют ссориться с Кремлем и очень сдержанно отвечают на растущий общественный запрос на отдаление от России — сокращают уроки русского языка в школах или переименовывают улицы. Но элиты в Центральной Азии постепенно меняются вместе с обществом, которое по-прежнему очень молодое — средний возраст половины жителей ниже 30 лет. Они не застали советские времена, меньше говорят на русском языке и не считают Россию примером для подражания.

Отдаление Центральной Азии от все более непривлекательной России — естественный процесс. Центральноазиатские государства никогда не были так самостоятельны, как сегодня, а общества в этих странах — так требовательны к своему руководству, в том числе в вопросах внешней политики.

А Москва вместо того, чтобы признать субъектность стран Центральной Азии и заниматься собственной привлекательностью, требует от бывших советских республик не разрушать унаследованное Кремлем историческое доминирование.

У России были все возможности для того, чтобы страны Центральной Азии сами к ней тянулись, но вместо этого она пытается остановить время. А это невозможно. Российское влияние в регионе будет увядать, если Кремль не пересмотрит свои подходы к внешней политике, а от путинской России этого ожидать не приходится.

Данная статья впервые вышла на сайте Carnegie Politika и публикуется с разрешения правообладателя.

Фонд Карнеги за Международный Мир и Carnegie Politika как организация не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир.

Темур Умаров

Темур Умаров (Temur Umarov) – научный сотрудник Берлинского центра Карнеги по изучению России и Евразии. Его исследовательские интересы сосредоточены на внутренней и внешней политике государств Центральной Азии, а также отношениях Китая с Россией и со странами бывшего СССР..